

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.11

Правильная ссылка на статью:

Арчакова Т. О., Гарифулина Э. Ш. Измерение субъективного благополучия детей в России: от локальных социальных практик до федеральной стратегии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 276—295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>.

For citation:

Archakova T. O., Garifulina E. Sh. (2020) Measuring Children's Subjective Well-Being in Russia: Local Practices and Federal Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 276—295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.11>.

Т. О. Арчакова, Э. Ш. Гарифулина ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ДО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

ИЗМЕРЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ОТ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ДО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

MEASURING CHILDREN'S SUBJECTIVE WELL-BEING IN RUSSIA: LOCAL PRACTICES AND FEDERAL STRATEGIES

АРЧАКОВА Татьяна Олеговна — психолог-методист, Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам», Москва, Россия; психолог-методист, Благотворительный детский фонд «Виктория», Москва, Россия
E-MAIL: tatyana.archakova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6161-2946>

Tatyana O. ARCHAKOVA^{1,2} — Psychologist; Psychologist
E-MAIL: tatyana.archakova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6161-2946>

¹ Charitable Foundation "Volunteers to Help Orphans", Moscow, Russia

² "Viktoria" Children's Charity Foundation, Moscow, Russia

ГАРИФУЛИНА Эльвира Шамильевна — кандидат социологических наук, руководитель программ, Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Москва, Россия; доцент, Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: egarifulina@timchenkofoundation.org
<https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>

Elvira Sh. GARIFULINA^{3,4} — Cand. Sci. (Soc.), Program Director; Associate Professor
E-MAIL: egarifulina@timchenkofoundation.org
<https://orcid.org/0000-0003-4306-3899>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к определению и операционализации понятия «субъективное благополучие детей» в российской практике. Анализируются эмпирические данные об использовании показателей благополучия детей в работе 69 государственных и некоммерческих организаций, реализующих практики в сфере социального сиротства и поддержанных Фондом Тимченко в 2016—2018 гг. Приводятся примеры инструментов, разработанных в рамках прикладных социальных проектов для оценки субъективного благополучия детей, в том числе не имеющих возможности для вербального выражения своего мнения. Обсуждаются факторы, осложняющие переход от измерения субъективного благополучия детей на уровне отдельных социальных практик/проектов и организаций к большому масштабу. На основе анализа даны рекомендации по проектированию собственных российских или адаптации зарубежных индексов детского благополучия более высокого уровня (региональных, федеральных).

Ключевые слова: показатели субъективного благополучия детей, инструменты измерения субъективного благополучия детей, индекс благополучия детей, социальные практики в сфере защиты детства

Abstract. The article highlights approaches defining and operationalizing the notion of children's subjective well-being in Russia. The paper employs empirical data on the use of children's well being indicators in the work of 69 state-run and private sector organizations dealing with social orphanhood and supported by Timchenko Foundation in 2016-2018. The authors provide examples of tools developed in the applied social projects to assess subjective well-being in children, including those not allowing a verbal expression of opinions. The paper discusses factors impeding a switch from measuring children's subjective well-being within local social practices/projects and organizations to a larger scale. The authors give recommendations on designing domestic or adapting foreign indices of children's well-being at higher levels (regional, federal).

Keywords: children's subjective well-being indicators, children's subjective well-being measurement tools, children's well-being index, social practices in childhood protection

Введение

Субъективное благополучие детей рассматривается как самостоятельный конструкт, отличный от субъективного благополучия взрослых. ЮНИСЕФ отождествляет благополучие детей с реализацией их прав и обеспечением оптимальных условий для наиболее полного их развития, учитывая при этом и субъективный аспект — «восприятие, оценки и ожидания детей в отношении их собственной жизни» [UNICEF Spain, 2012], «удовлетворенность как жизнью в целом, так и отдельными ее аспектами» [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010]. Конструкт «субъективное благополучие» входит в состав большинства международных и региональных комплексных инструментов (индексов), включая Индекс детского благополучия ЮНИСЕФ (UNICEF Child Well-Being Index).

Специфика детского благополучия требует междисциплинарного анализа. Понятный аппарат психологии развития — в частности, концепции «ведущей деятельности» и «задач развития» [Леонтьев, 1983], — используется для того, чтобы выделить в структуре общего благополучия значимые для детей виды деятельности и, соответственно, аспекты жизни, в которых они осуществляются. Социологическая концепция жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности [Григорьев, Демина, Растов, 1996; Гусякова, Григорьев, 2002] делает акцент на «жизненную силу» — способность человека к воспроизводству и осуществлению жизни как биосоциального существа. Жизненные силы человека характеризуются как единство индивидуальной и социальной субъектности личности во всех сферах, как совокупность биофизиологических, психических и социальных возможностей индивида, реализуемых в условиях конкретно-исторической взаимозависимости (социальных отношений). Такое понимание задает логику понимания любого человека, в том числе ребенка, как субъекта и приводит к важности учета мнения ребенка о критериях его благополучия и о степени удовлетворенности ими. Это подразумевает и непосредственно поддержку, реабилитацию жизненных сил, и «благоустройство» жизненного пространства. Целостность осмысления проблемы субъективного детского благополучия обеспечивается тем, что учитывается характер взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства человека.

В зарубежной психологии и социологии благополучие часто рассматривают в связи со схожим конструктом — жизнеспособностью (resilience). Жизнеспособностью называют процесс эффективного взаимодействия субъекта с источниками стресса или травмы, адаптации к ним и/или их активного преодоления [Windle, 2011]. Некоторые авторы даже определяют благополучие через жизнеспособность, например, как «способность успешно участвовать в повседневной активности, которая считается значимой в данном культурном сообществе, проявляя при этом жизнеспособность и привнося нечто новое, а также настроение и чувства, возникающие от участия в такой активности» [Weisner, 1998]. Термин «благополучие» (в контексте «роста», или «увеличения» благополучия) в англоязычных странах — самая распространенная формулировка ожидаемых результатов социальных программ и проектов по укреплению жизнеспособности детей [Арчакова, 2016]. Следовательно, между субъективным благополучием всей детской популяции и детей, находящихся в тех или иных трудных жизненных ситуа-

циях, существуют количественные («чувствует себя более/менее благополучно»), но не качественные различия.

Подход к оценке благополучия с позиции прав детей демонстрирует различия между благополучием (субъективным и объективным) у детей и у взрослых. Дети имеют как равные со взрослыми, так и особые права, зафиксированные в Конвенции ООН о правах ребенка. На данный момент доминирует патерналистский подход к пониманию соотношения этих прав: «особые» права детей важнее «равных» (фактически они становятся обязанностями, как право на образование), а ребенок по умолчанию считается некомпетентным в принятии решений по поводу своей жизни. В результате исследования детского благополучия фокусируются на перспективе будущего (успешном прохождении нормативных этапов взросления) на микроуровне или на инвестициях в человеческий капитал — на макроуровне. Такой подход называют «инструментализацией детства» [Qvortrup, 1999] и критикуют за игнорирование субъективной перспективы ребенка «здесь и сейчас». Для дифференциации этих перспектив предлагаются понятия «благостановление» (well-becoming), сфокусированное на будущих результатах, и «общее благополучие» (total well-being) как совокупная мера «благостановления» и субъективного благополучия в настоящий момент [Ben-Arieh, 2006].

Способность детей отдавать себе отчет о своих переживаниях остается дискуссионным вопросом в сфере измерения субъективного благополучия, однако эмпирические исследования показывают, что компетентность в оценке благополучия лежит в зоне ближайшего развития детей [Garbarino et al., 1989], то есть дети способны успешно выполнять эту задачу, если взрослый использует инструменты, учитывающие особенности данной возрастной группы, а также оказывает поддержку в процессе. Есть данные и о том, что участие детей в концептуализации и измерении уровня их благополучия (в оценке социальных проектов, разработке новых услуг) само по себе является интервенцией, которая помогает улучшить отношения со взрослыми, повысить уверенность в себе, получить новые навыки, научиться ставить цели [Шамрова, Тихомирова, Подушкина, 2016].

Патерналистский подход подразумевает необходимость доказать, что ребенок способен дать выразить осознанное мнение об уровне своего благополучия. Но Комментарий общего характера к статье № 12 Конвенции ООН о правах ребенка [CRC, 2009] предлагает исходить из наличия такой способности у всех детей, независимо от их возраста или наличия проблем здоровья и развития, за счет:

- отказа от завышенных требований к пониманию обсуждаемой ситуации — достаточно, чтобы на основе понятной для ребенка информации он мог сделать выводы о желательном/нежелательном ходе событий;
- разработки инструментов, позволяющих выявлять мнение детей, не способных выразить его вербально (учитывающих язык тела и мимику, игру и рисунки), а также использующих формулировки и задания, дружественные детям.

Многообразие подходов к пониманию субъективного благополучия детей влияет на практику его измерения. Во-первых, плюрализм дает возможность выбора наиболее адекватной позиции с учетом культурной специфики региона, задач конкретной организации и характеристик изучаемой группы детей (например, работа с детьми раннего возраста «смещает» позицию исследователя к патерна-

листской). Во-вторых, любые взаимодействия с другими стейкхолдерами (например, администрацией образовательных или социальных учреждений, родителями, волонтерами) требует обязательного согласования теоретико-методологических и ценностных позиций.

Индексы детского благополучия как исследовательские и управленческие инструменты

Ключевые характеристики понятия «благополучие» — это многомерность (проявления в разных сферах жизни) и нормативность (опора на представления о «хорошем» и «плохом», соответствие общепринятому порядку или отклонение от него). Поэтому его можно использовать как концептуальную рамку и для фундаментальных исследований, и для нормативных оценок положения детей в сфере социальной политики [Sandin, 2013].

В международной практике используются индексы детского благополучия, отражающие уровень субъективного и объективного благополучия в разных сферах жизни. Сбор данных по показателям таких индексов в динамике позволяет проводить системный анализ качества жизни детей и принимать управленческие решения при внедрении политик, программ и услуг для поддержки детей и их семей.

В отличие от психометрических шкал, обладающих внутренней согласованностью в оценке измеряемого конструкта, индексы включают в себя показатели для измерения разнородных конструктов, объединенных концептуальной моделью. Отдельные шкалы индексов могут быть слабо связаны между собой (например, уровень грамотности и физическое здоровье), но все они вносят свой вклад в благополучие ребенка [Lee, 2014].

Большинство таких индексов объединяют показатели как объективного, так и субъективного благополучия: Индекс детского благополучия ЮНИСЕФ и ряд национальных индексов — Индекс детского благополучия (Child Well-Being Index) Фонда детского развития (США, 2004), проект «Развитие национальной системы индикаторов детского благополучия» (The Development of National Set of Child Well-Being Indicators, Ирландия). В 2010-х гг. появились индексы, сфокусированные только на субъективном благополучии, например, британский Индекс субъективного благополучия детей (An Index of Children's Subjective Well-Being), в разработке и апробации которого принимали активное участие сами дети.

Проблемой в разработке индексов благополучия является произвольность в выделении (и наименовании) оцениваемых сфер жизни и входящих в них показателей. Так, в работе [O'Hare, Gutierrez, 2012] по результатам анализа 19 исследований обнаружено 107 уникальных названий этих сфер. Ситуация усугубляется различиями в терминологии и используемых инструментах измерения, которые делают эти индексы несопоставимыми [Žukauskienė et al., 2015]. В отношении именно субъективного благополучия детей в статье [Ravens-Sieberer et al., 2014] выделяется 92 инструмента измерения его уровня и динамики, в которые входят 1 915 понятий, операционализирующих этот конструкт.

Индекс ЮНИСЕФ включает в себя шесть сфер: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, отношения с родными и сверстниками, поведение и риски, субъективное благополучие. Показатели субъективного благо-

получая в нем либо оценивают обобщенное его переживание (доля детей, поставивших себе оценки «выше среднего» по Шкале удовлетворенности жизнью; доля детей, оценивших негативно собственное благополучие), либо дополняют субъективным самоотчетом объективные данные в сферах «Здоровье и безопасность» и «Образование» (доля детей, которые оценивают состояние своего здоровья не выше, чем «плохое» или «посредственное»; доля детей, «очень любящих школу»). В число 12 сфер оценки благополучия, которые были разработаны в ходе фокус-групп и анкетирования с подростками для Индекса субъективного благополучия детей, вошел более широкий спектр тем, включая «внешний вид» и «использование времени» [Rees, Goswami, Bradshaw, 2010]. Они не только отражают приоритеты детей, но и представляют собой определенный вызов лицам, принимающим решения, потому что на уровень удовлетворенности ими крайне сложно влиять (а инициативы «сверху» часто *уменьшают* количество свободного времени школьников и, следовательно, их удовлетворенность в сфере «использования времени»).

В России в данный момент нет официально принятого федерального или региональных индексов благополучия детей, но есть стратегические документы в сфере детства на федеральном уровне: Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 годы; План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства. Мы проанализировали ожидаемые результаты от реализации мер, предложенных в этих документах.

Среди ожидаемых результатов Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы (общим количеством 63) только один результат по направлению «Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей» в явном виде описывает изменение субъективного отношения детей к своей жизни: *«рост удовлетворенности обучающихся и их родителей условиями воспитания, обучения и развития детей в образовательных учреждениях»*¹.

Еще несколько результатов описывают направления работы, нацеленные на изменение субъективных переживаний детей, их интересов и мотивов (*«стимулирование интереса детей к историческому и культурному наследию России, многообразию культур...»*) или на объективную фиксацию (наблюдение) субъективного отношения (*«увеличение числа детей, демонстрирующих активную жизненную позицию, самостоятельность и творческую инициативу...»*)².

Интересно, что по направлению «Дети — участники реализации Национальной стратегии», в котором описаны меры по обеспечению права детей на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы, ни один ожидаемый результат не относится к самим детям. Появление такого направления работы в Национальной стратегии было серьезным прорывом в признании субъектности ребенка, но итоги его реализации некоторые исследователи оценивают как «провал»: в четверть региональных стратегий, разработанных на основе Национальной, это направление на было включено, а многие меры по его реализации демонстрировали непонимание концепции «участия детей в принятии решений и учета мнения детей»

¹ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг. (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761) // Гарант.РФ. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (последний доступ: 22.02.2020).

² Там же.

[Калабихина, 2015]. Эта неудача частично объясняется нехваткой практических инструментов для реального включения детей в работу по стратегии и ее мониторингу и, в частности, инструментов для оценки их субъективного благополучия [Калабихина, Кучмаева, 2016].

В Плате основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, результаты сформулированы через призму изменения инфраструктуры детства: внедрения новых услуг или повышения доступности существующих, проведения исследований и методических разработок, повышения квалификации и расширения штата специалистов. Они описывают контекстуальные переменные благополучия: ресурсы социального окружения, с которыми ребенок взаимодействует в разных сферах жизни [Moore, Theokas, 2008]. С точки зрения социологической концепции жизненных сил, социальная и индивидуальная субъектность — равноправные составляющие, взаимодействующие с жизненным пространством, а жизненное пространство ребенка не может доминировать и рассматриваться в отрыве от субъектности ребенка.

Таким образом, результаты и показатели, связанные с субъективным благополучием ребенка, недостаточно применяются в российской практике как управленческие инструменты. В нашей стране в последние годы проведен ряд интересных академических исследований благополучия детей в организациях для детей-сирот [Русакова, Одинокова, Захарова, 2015; Ослон, 2018] и наработан опыт общественного мониторинга положения детей в этих организациях, но не создано единого инструментального подхода к определению благополучия детей в целом, и субъективного благополучия в частности.

Цель данной работы — обобщить опыт использования индекса (системы показателей) благополучия детей в рамках программы «Семья и дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко (далее — Фонд Тимченко). Опираясь на материал мониторинговых отчетов организаций-благополучателей Фонда, мы делаем выводы о практическом применении этих показателей и возможностях для их совершенствования. Также мы рассматриваем кейсы разработки инструментов для оценки субъективного благополучия детей.

Эмпирическая база

Эмпирической базой послужили данные мониторинга по программе «Семья и дети» Фонда Тимченко. Программа направлена на развитие потенциала систем профилактики и преодоления негативных последствий сиротства; она поддерживает социальные практики, направленные на помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также замещающим семьям и кровным семьям в кризисе.

В 2016—2018 гг. в рамках конкурса «Семейный фарватер» программа «Семья и дети» выявила и поддержала 69 организаций, реализующих практики с доказанной эффективностью, в 30 регионах РФ: из них 55 % (38 организаций) — социально ориентированные некоммерческие организации, 45 % (31 организация) — государственные организации. Эти организации получили финансовую и экспертную поддержку на трехлетний срок. В период с 2016 по 2019 гг. они в совокупности поддержали 15 592 детей и 10 767 семей.

В результате их деятельности за этот период:

- количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на семейные формы устройства, составило 699 детей;
- 247 детей возвращены в кровные семьи,
- предотвращен 731 случай отобрания (изъятия), отказов от детей в кровных семьях;
- предотвращено 294 случая отобрания (изъятия), отказов от детей в замещающих семьях;
- 5436 детей улучшили свое благополучие.

Показатели благополучия детей в программе «Семья и дети»

Все организации-участники программы «Семья и дети» используют единую форму мониторинга. В ней отражены непосредственные и социальные результаты, а также социальные эффекты работы. Под непосредственными результатами понимается все, что непосредственно производится в ходе деятельности, например, количество благополучателей или единиц оказанных им услуг. Социальные результаты — это позитивные изменения на уровне конкретных знаний и навыков, моделей поведения, социального статуса и др., которые происходят в жизни благополучателей в результате применения практики³.

Программа направлена на достижение следующих долгосрочных социальных результатов:

- увеличение числа детей, воспитываемых в семьях (кровных и принятых в замещающие семьи);
- уменьшение количества отобраний (изъятий), отказов от детей в кровных и замещающих семьях;
- улучшение благополучия детей и семей-участников программы;
- рост уровня готовности детей к самостоятельной жизни — они становятся полноценными гражданами, обеспечивающими благополучие общества.

При этом «улучшение благополучия» и «рост уровня готовности детей к самостоятельной жизни» относятся к социальным эффектам, то есть долгосрочным и системным изменениям, происходящим на базе социальных результатов. Очевидно, что само по себе семейное воспитание нельзя автоматически отождествлять с благополучием ребенка, а объективные показатели его благополучия не помогают понять его переживания, например, идентичности и самоощущения в новой семье.

В каждой практике понятие «благополучия» имеет конкретное прикладное определение, связанное именно со спецификой практики — ее «теорией изменений», деятельностью и цепочкой ожидаемых от деятельности результатов — а также с особенностями развития детей (возрастом, наличием особых потребностей и др.). Также организации могут самостоятельно операционализировать понятие «благополучие», выбирать и/или разрабатывать показатели и инструменты для сбора данных.

Практика Благотворительного фонда «Дети наши» направлена на работу с детьми школьного и подросткового возраста — воспитанниками интернатов — и их

³ Стандарт доказательности практик в сфере детства // Фонд Тимченко: Портал для специалистов сферы защиты детства. 2019. 6 ноября. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/2019/11/06/standart-dokazatelnosti-praktik> (последний доступ: 22.02.2020).

кровными родственниками. Благополучие детей в детско-родительских отношениях измеряется как «количество воспитанников, восстановивших отношения с кровными родителями или родственниками». «Восстановление отношений» подразумевает, что ребенок субъективно оценивает эти отношения как значимые и поддерживающие, а вред, невольно причиненный действиями или бездействием близких, считает заглаженным. При этом субъективное переживание «восстановленных отношений» может возникать при восстановлении общения с кровной семьей, при фактическом возврате ребенка в кровную семью и даже при организации «ритуала прощания», в ходе которого кровные родители признают свою неспособность позаботиться о ребенке, давая «благословение» на переход в приемную семью. В качестве инструмента для сбора данных используется глубинное интервью с детьми [Омельченко, 2016].

Контрастный пример — практика благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», центр временного пребывания для матерей с детьми младенческого возраста. Хотя прямое выяснение мнения младенцев невозможно, не рекомендуется ограничивать учет мнения детей возрастными рамками [CRC, 2009], а в качестве источника данных можно использовать наблюдение за мимикой, игрой и др. В качестве показателя улучшения детско-родительских отношений измеряется «доля матерей, у которых произошли позитивные изменения (повышение оценки на 1 балл и более) во взаимодействии по параметрам: чувствительность, контроль и конфликт, предвосхищение, эмоциональное тепло, регуляция стресса». В качестве инструмента для сбора данных используется структурированное наблюдение по модели, адаптированной из программы «Зрелое родительство» (Mellow Parenting) [Puckering et al., 1996].

Разрабатывая определения благополучия ребенка в своих практиках, организации могут по разным соображениям акцентировать объективные или субъективные аспекты детского благополучия. Оптимальной стратегией является триангуляция источников информации, то есть сбор данных и об объективном (от специалистов, родителей и детей), и о субъективном благополучии.

Выбор показателей для измерения уровня благополучия детей

Одной из задач конкурса «Семейный фарватер» является повышение уровня организационного потенциала организаций в области мониторинга, измерения и оценки результатов. Поэтому система мониторинга дорабатывается в процессе реализации проекта. Показатели могут добавляться или исключаться с учетом их релевантности, необходимости/избыточности, доступности источников информации и наличия инструментария.

Организациям — участникам программы предлагаются стандартные показатели для измерения благополучия детей⁴:

Количество детей, улучшивших свое благополучие:

⁴ Подробнее о системе мониторинга программы «Семья и дети»: Методические рекомендации по заполнению формы мониторинга и приложений: Всероссийский конкурс «Семейный фарватер» // Фонд Тимченко. URL: http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/10/Методические_Рекомендации_по_заполнению_формы_мониторинга.pdf (последний доступ: 16.02.2020); Определения показателей, методы и инструменты сбора данных по показателям социальных результатов. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/10/Методы-и-инструменты-сбора-данных.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

- в том числе улучшивших психическое состояние,
- в том числе улучшивших физическое состояние,
- в том числе повысивших уровень развития, навыков,
- в том числе улучшивших детско-родительские отношения,
- в том числе улучшивших показатели успеваемости.

Мы проанализировали частоту выбора каждого из показателей благополучия детей в системе мониторинга организаций — благополучателей конкурса «Семейный фарватер»: для организаций, получивших поддержку в 2016—2017 гг., и отдельно — для организаций, получивших поддержку в 2018 г., так как они при выборе показателей опирались на опыт предшественников (см. рис. 1, 2). В качестве источника данных использовались мониторинговые формы, в которых сотрудники этих организаций:

- указывают плановые значения выбранных ими стандартных показателей в начале отчетного года («план»);
- ежемесячно указывают количественные значения измеряемых ими стандартных показателей («факт»).

Рис. 1. Динамика использования показателей в практиках организаций-благополучателей конкурса «Семейный фарватер» в 2017—2018 гг. (%)⁵

⁵ Для каждого показателя указаны доли организаций, выбравших его для использования в системе мониторинга результатов своей практики в 2017 и 2018 гг. в качестве плановых показателей («план») и фактически отчитавшихся по ним («факт») (из 45 организаций, начавших получать поддержку по конкурсу «Семейный фарватер» в 2016 и 2017 гг.).

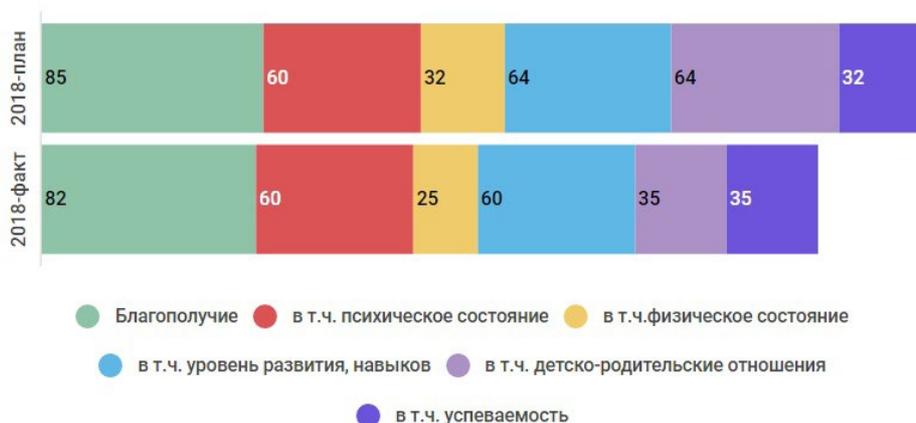

Рис. 2. Динамика использования показателей в практиках организаций-благополучателей конкурса «Семейный фарватер», получивших поддержку в 2018 г.⁶

«Психическое состояние», «развитие навыков» и «улучшение детско-родительских отношений» являются наиболее востребованными сферами для мониторинга результатов у организаций-благополучателей 2016—2017 гг. Количество организаций, фактически измерявших уровень психического благополучия и благополучия в детско-родительских отношениях, несколько превышает количество организаций, планировавших их измерять. Организации-благополучатели 2018 г. при сходной общей картине выбора показателей, наоборот, использовали показатель благополучия в детско-родительских отношениях в значительно меньшей доле случаев, чем планировали.

В ходе работы все организации отмечали значимость этих показателей для практики и находили инструменты измерения, однако при тщательном анализе требований к инструментарию по оценке детско-родительских отношений столкнулись с рядом проблем (большой трудоемкостью психологических методов диагностики; потребностью объединения перспектив родителя, ребенка и специалиста).

Показатели в сферах «психическое состояние», «развитие навыков» и «улучшение детско-родительских отношений» наиболее ярко отражают системную логику практик по решению проблемы социального сиротства: нормализация эмоционального состояния ребенка, оказавшегося вне кровной семьи и/или в кризисной ситуации, происходит вместе с улучшением детско-родительских отношений, одновременно и как одна из предпосылок, и как следствие такого улучшения. Это же относится и к уровню развития навыков: наиболее устойчиво они формируются в естественной среде, требующей частой практики применения и дающей положительное подкрепление.

Реже всего организации-благополучатели 2016—2017 гг. использовали показатели физического благополучия и успеваемости. Количество организаций,

⁶ Для каждого показателя указаны доли организаций, выбравших его для использования в системе мониторинга результатов своей практики в качестве плановых показателей («план») и фактически отчитавшихся по ним («факт») (из 28 организаций, начавших получать поддержку по конкурсу «Семейный фарватер» в 2018 г.).

фактически измерявших их уровень, меньше количества организаций, *планировавших* их измерять. Возможное объяснение — недостаточный уровень междисциплинарного и межведомственного взаимодействия, выстроенного вокруг практик «Семейного фарватера». Источниками данных об объективных аспектах физического благополучия и успеваемости выступают в первую очередь медицинские и образовательные организации, но на данный момент отсутствует единая платформа для обмена этими данными.

Однако у организаций-благополучателей 2016—2017 гг. доля использования этого показателя оказалась сравнительно высокой, и им удавалось собирать по нему данные даже чаще, чем это планировалось (32 % в планах, 35 % в фактических отчетах). Это связано с тем, что среди них есть образовательные организации (например, школы-интернаты). Реализация практик специалистами, внешними по отношению к образовательным организациям, связана с этической проблемой: спрашивая детей об их благополучии в школе и успехах в учебе, эти специалисты не имеют возможности как-либо влиять на ситуацию в образовательном учреждении.

Стоит отметить, что организации — участники конкурса «Семейный фарватер», признавая и декларируя актуальность и важность субъективного благополучия детей, пока не выходят на его измерение и цифровизацию. Все указанные показатели можно рассматривать и в объективном, и в субъективном аспекте, однако на данный момент организации измеряют их как объективные: психологическое состояние детей и качество детско-родительских отношений оцениваются не самими детьми, а специалистами (реже — другими взрослыми) при помощи опросников, стандартизированного наблюдения, экспертных заключений.

Этому может быть несколько причин. Во-первых, из подходов к пониманию прав детей [Hanson, 2008] для российской культуры более типичны подходы к защите детей с позиций патернализма и социального обеспечения, нежели с позиций эмансипации [Шмидт, 2011]. Поэтому субъектность ребенка, его собственное мнение и решения — это важный вопрос, но второстепенный по сравнению с вопросами защиты и обеспечения потребностей. Ребенок воспринимается с патерналистских позиций — как объект приложения благожелательных усилий [Гарифулина, 2017], но не как равноправный субъект: «особые» детские права (зафиксированные в Конвенции ООН о правах ребенка) приоритетнее «общих» прав [Purdy, 1992]. Также есть тенденция рассматривать благополучие через призму инвестиций в будущие перспективы, а не субъективной перспективы ребенка «здесь и сейчас» («инструментализация детства») [Qvortrup, 1999].

Во-вторых, малоразвита палитра «дружественных детям инструментов» для сбора данных по показателям субъективного благополучия. Организациям не удается найти в русскоязычной литературе инструменты для выяснения субъективного отношения детей к процессу и условиям своего взросления, к результатам оказанной им помощи, которые можно было бы сразу использовать или адаптировать для нужд их практики. Патернализм как доминирующая установка в социальной сфере приводит к «методологическому патернализму» [Поливанова, 2016] в возрастной психологии и других науках о детстве: большинство диагностических методик ориентированы на оценку соответствия уровня развития, физического

или эмоционального состояния детей установленным экспертами нормативам, то есть на измерение объективного благополучия. Поэтому специалисты-практики, работающие с детьми, вынуждены разрабатывать соответствующие инструменты самостоятельно. Это требует значительных трудозатрат и ресурсов (включая экспертную поддержку), которые практико-ориентированные организации, как правило, не могут привлечь без внешней помощи.

Опыт разработки инструментов для измерения благополучия детей: кейсы из практики

Для решения исследовательских задач по разработке и апробации инструментов для оценки субъективного благополучия детей с 2017 г. Фонд Тимченко проводит конкурс исследований с участием детей и молодых взрослых «Голос ребенка: дети как эксперты опыта». Конкурс направлен на развитие методологии и продвижение практики прикладных и оценочных исследований с участием детей и молодых взрослых в области профилактики социального сиротства, преодоления последствий социального сиротства и повышения уровня благополучия детей и молодых взрослых [Гарифулина, 2017]. Параллельная работа с темами благополучия детей и реализации права ребенка на участие в принятии значимых для него решений приводит к тому, что оба направления усиливают друг друга: выражение ребенком оценочного мнения о своем субъективном благополучии — одна из базовых форм участия.

Приведем примеры исследований, в которых удалось разработать эффективные инструменты для оценки субъективного благополучия детей и молодых взрослых с нарушениями развития разной степени тяжести.

Московская областная организация «Старшие братья Старшие сестры» совместно с благотворительным фондом «Расправь крылья!» на основе настольной психологической игры Гюнтера Хорна (для детей младшего и среднего школьного возраста) разработала игру для воспитанников и выпускников организаций для детей-сирот, обучающихся по программе 8 вида. Игра представляет собой набор карточек с утверждениями в отношении опыта сопровождения/наставничества или оценки своего благополучия, позитивных изменений в жизни. Также есть пустые карточки для предложений самих участников игры. Карточки раскладывают в мини-группах: их можно брать себе или предлагать товарищу, аргументируя, почему она подходит ему [Оськина, 2018]. Данные обрабатываются по аналогии с результатами фокус-группы: фиксируются ответы каждого ребенка и выделяются основные темы, способствующие или препятствующие переживаниям благополучия в отношениях с наставником у всех участников проекта. Помимо выводов об уровне благополучия детей на их основе принимаются методические и управленческие решения.

Центр содействия семейному воспитанию «Вера. Надежда. Любовь», работающий с детьми, имеющими тяжелые множественные нарушения развития, разработал «Карты предпочтений» воспитанников [Романова, 2017]. С их помощью постоянно ухаживающий взрослый отслеживает реакции ребенка с глубокой умственной отсталостью (не способного к вербальному или знаковому общению) к тому, что окружает его в быту: к пище, помещениям, играм и режиму дня. Структурированное

наблюдение ведется по нескольким компонентам, в каждом из которых выделены признаки позитивных и негативных реакций. Так, при приеме пищи можно оценить физиологический компонент (примером позитивной реакции на данный вкус и текстуру блюда будет «ровное дыхание»); эмоциональный компонент («спокойный, расслабленный взгляд, глаза не двигаются»); телесный (двигательный) компонент («оральная демонстрация принятия пищи: открывает рот, произвольно размыкает губы и зубы...»); социальный компонент («на фоне эмоционального вокального (вербального) сопровождения со стороны взрослого негативные реакции в процессе приема пищи подавляются»); когнитивный компонент («фиксирует взгляд на посуде с пищей, следит за движениями кормящего взрослого») и вокальный компонент («непроизвольная интонационно окрашенная голосовая активность (позитивные вокализы)»). Данные по каждому ребенку вносятся в цифровую базу, что позволяет отслеживать уровень благополучия — как позитивных реакций на определенные блюда, активности, места — в динамике, а также выделять устойчивые предпочтения ребенка и удовлетворять их, повышая уровень благополучия.

Выводы

Опыт Фонда Тимченко показывает, что в рамках масштабных социальных программ возможна разработка собственного индекса (системы показателей) благополучия детей, который соответствует методологии международных индексов: учитывает субъективный аспект благополучия детей, а также предлагает баланс между субъективными и объективными метриками благополучия, между благополучием детей «здесь и теперь» и готовностью к самостоятельной взрослой жизни. Данная разработка не претендует на универсальность, однако дает возможность для тестирования моделей и инструментов оценки субъективного благополучия в реальных условиях, помогает в принятии управленческих решений, то есть работает и как исследовательский, и как управленческий инструмент.

Социальные результаты, отражающие аспекты благополучия в разных сферах жизни, а также инструменты для их измерения не только разрабатываются, но и проходят своего рода проверку и отсев. Движущей силой такого отсева является не только совершенствование проектной логики социальных практик, но и практические соображения — простота и экономичность в использовании, информативность для принятия управленческих решений, учет этического аспекта.

Система мониторинга программы «Семья и дети» Фонда Тимченко предлагает организациям-благополучателям результат «Улучшение благополучия детей и семей — участников Программы», который конкретизируется в пяти обобщенных показателях («Количество детей, у которых повышен уровень благополучия, в том числе психического состояния / физического состояния / уровня развития, навыков / детско-родительских отношений / успеваемости»). Это является ее сильной стороной и задает рамку, позволяющую объединить данные о динамике благополучия разных социальных и возрастных групп детей-благополучателей разных практик. Собственная трактовка того или иного показателя конструируется внутри каждой организации за счет выбора и/или разработки инструментов и процедур для сбора данных. Проблемным здесь является вопрос о правомерности объединения этих данных, полученных разными способами на разных группах детей.

В рамках программы «Семья и дети» эта проблема решается за счет создания и функционирования профессионального сообщества: проводятся образовательные (семинары, мастер-классы, зарубежные стажировки) и делиберативные (обмен опытом, экспертные дискуссии) мероприятия, в ходе которых участники сообщества совместно конструируют представления о благополучии детей. Таким образом, трансляция опыта программы возможна при условии развития профессиональных компетенций специалистов сферы детства и создании площадок для профессиональных дискуссий.

Еще одно ограничение данной системы мониторинга благополучия заключается в ориентации на детей, затронутых проблемами семейного неблагополучия и/или социального сиротства, а не на детское население в целом. Хотя формулировки показателей достаточно универсальны, при их уточнении и выборе инструментов сбора данных все организации — пользователи системы мониторинга программы «Семья и дети» ориентируются не на нормативную, а на «восстановительную» (restorative) модель благополучия [Lent, 2004]. В фокусе внимания — возможности и ресурсы для благополучного развития под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств и в процессе их преодоления, поэтому основное внимание уделяется ослаблению нежелательных состояний и симптомов, когнитивным и поведенческим копинг-стратегиям детей, а также доступной им социальной поддержке и ресурсам.

Полученный опыт можно использовать при разработке федеральных или региональных стратегий развития, а также при адаптации международных индексов детского благополучия. Для этого важно выявлять и анализировать прикладные низовые инициативы по измерению и/или повышению уровня субъективного благополучия детей, существующие в нашей стране, чтобы выстраивать «теории среднего уровня», способные связать конкретные полевые/проектные данные с общей концепцией благополучия и опирающимися на нее государственными инициативами [Шанин, 2005].

Важно учитывать межведомственные барьеры в обмене данными, которые проявляются на всех уровнях работы, а также социокультурную специфику отношения к субъектной позиции ребенка, которая влияет даже на работу специалистов, разделяющих ценность права ребенка на выражение мнения и участие в принятии значимых решений. Чтобы «поворот» к субъективному благополучию не встречал сопротивления, полезно использовать триангуляцию, учитывая также оценки взрослых (родителей и специалистов).

Список литературы (References)

Арчакова Т. О. Жизнеспособность и жизнестойкость детей и подростков из неблагополучных семей // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 312—325.

Archakova T. O. (2016) Resilience and Viability of Children and Adolescents from Adverse Families. In: Makhnach A. V., Dikaya L. G. (eds.) *Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects*. Moscow: Russian Academy of Science, Institute of Psychology. P. 312—325. (In Russ.)

Гарифулина Э. Подходы к учету мнения ребенка при принятии решений, затрагивающих его интересы. Презентация к вебинару «Подходы к учету мнения ребенка при принятии решений, затрагивающих его интересы при организации защиты прав детей, в том числе специалистами органов опеки и попечительства». М.: МГППУ, 2017. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Garifulina E. (2017) Approaches to Consider Child's Views in Decision-Making in His/Her Interests. Presentation for Webinar "Approaches to Consider Child's Views in Decision-Making in His/Her Interests in the Field of Child Protection Including Child Protection State Agencies. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1996.

Grigoriev S. I., Demina L. D., Rastov Yu. E. (1996) Human Vitality. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

Гуслякова Л. Г., Григорьев С. И. Социология для социальной работы. М.: Магистр-Пресс, 2002.

Guslyakova L. G., Grigoriev S. I. (2002) Sociology for Social Work. Moscow: Magistr-Press. (In Russ.)

Калабихина И. Е. О реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 6. С. 58—80.

Kalabikhina I. E. (2015) The Implementation of the National Strategy for Action on Children. *The Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. No. 6. P. 58—80. (In Russ.)

Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 507—520.

Kalabikhina I. E., Kuchmaeva O. V. (2016) The Challenges and Future Prospects for Monitoring Children's Participation in "The National Strategy for Action in the Interests of Children 2012—2017". *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 4. P. 507—520. (In Russ.)

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.

Leontiev A. N. (1983) Selected Works in Psychology: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)

Омельченко А. С. Критерии выбора случая для работы по восстановлению отношений воспитанников учреждений для детей-сирот с кровными семьями и распределение обязанностей специалистов проекта // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального си-

ротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей / под ред. А. С. Омельченко. М. ; Смоленск : Благотворительный фонд «Дети наши», 2017. С. 25—32. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirotly2_site.pdf#page=12 (последний доступ: 16.02.2020).

Omelchenko A. S. (2017) The Selection Criteria for Work on Family Reunification Cases in Orphanages, and Professionals' Involvement in These Cases. In: Omelchenko A. S. (ed.) *Work with Birth Families of Children Living in Orphanages and Prevention of Social Orphanhood. The Experience of Smolensk and Vologda Regions*. Moscow; Smolensk: Charity Foundation "Our Children". P. 25—32. URL: https://detinashi.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sirotly2_site.pdf#page=12 (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Оськина Е. Разработка инструментария для оценки влияния программы наставничества на благополучие детей, участников программы наставничества, имеющих легкую степень умственной отсталости, непосредственно из опыта благополучателей. Презентация к вебинару «Методы сбора данных — 2» (29 мая 2018). М. : АНО «Эволюция и филантропия», 2018. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2018/05/презентация-для-вебинара_Е.Оськина.pdf (последний доступ: 16.02.2020).

Oskina E. (2018) Development of Instruments for Evaluation of Mentoring Program Impact on Children with Mild Intellectual Disabilities Basing on Their Subjective Experience. Presentation for webinar "Methods of Data Collection — 2" (May 29, 2018). Moscow: Evolution and Philanthropy. URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2018/05/презентация-для-вебинара_Е.Оськина.pdf (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Ослон В. Н. Модель оценки субъективного благополучия воспитанников организаций для детей-сирот // Культурно-исторический подход в современной психологии развития: достижения, проблемы, перспективы / под ред. И. В. Шаповаленко, Л. И. Элькопинова, Ю. А. Кочетова. М. : МГППУ, 2018. С. 306—310.

Oslon V. N. (2018) A Model of Subjective Well-Being Evaluation of Children Living in Residential Care Settings. In: Shapovalenko I. V., Elkoninova L. I., Kochetova Yu. A. (eds.) *Cultural-Historical Approach in Contemporary Developmental Psychology: Achievements, Issues, Perspectives*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. P. 306—310. (In Russ.)

Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5—10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>.

Polivanova K. N. (2016) Childhood in a Changing World. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 5—10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>. (In Russ.)

Романова Е. А. Участие детей с выраженными нарушениями развития в проектирование их индивидуального маршрута развития. Презентация на Всероссийском сетевом форуме с международным участием «Национальная стратегия действий в интересах детей: навстречу Десятилетию детства». М. : МГППУ, 2017. URL: <http://мониторингнсид.пф/resources/conferencematerials/39/platform4/RomanovaEA.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Romanova E. A. (2017) Participation of Children with Severe Developmental Disabilities in Designing their Individual Support Plans. Presentation at the All-Russian Network

Forum with International Participation “National Strategy for Action on Children: Towards the Decade of Childhood”. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. URL: <http://мониторингнсид.рф/resources/conferencematerials/39/platform4/RomanovaEA.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Русакова М. М., Одинокова В. А., Захарова Ю. П. Благополучие и соблюдение прав детей-сирот: руководство по проведению опроса детей и отчет о пилотном исследовании. СПб. : Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», 2015. URL: <http://ngostellit.ru/wp-content/uploads/2018/07/blagopolucie-detei-sirot.pdf> (последний доступ: 16.02.2020).

Rusakova M. M., Odinokova V. A., Zakharova Yu. P. (2015) Well-Being and Respect of Rights of Orphans: A Guide to Interviewing Children and a Pilot Study Report. Saint Petersburg: Regional Public Organization of Social Projects for Well-Being of the Population “Stellit”. URL: <http://ngostellit.ru/wp-content/uploads/2018/07/blagopolucie-detei-sirot.pdf> (accessed: 16.02.2020). (In Russ.)

Шамрова Д. П., Тихомирова А. В., Подушкина Т. Г. Системный анализ доказательств влияния участия детей в оценке социальных программ на их психологическое развитие // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 39—50. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050205>.

Shamrova D. P., Tikhomirova A. V., Podushkina T. G. (2016) System Analysis of Evidences of the Impact of Child Involvement in Evaluating Social Programs on Their Psychological Development. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 5. No. 2. P. 39—50. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050205>. (In Russ.)

Шанин Т. Джеймс Скотт и социология смысла // Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. С. 1—8.

Shanin T. (2005) James Scott and Sociology of Meaning. In: Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Moscow: Universitetskaya kniga. P. 1—8. (In Russ.)

Шмидт В. Р. Дилемма безопасности ребенка — частная жизнь семьи как продукт формации дискурсов защиты детей // Социальная политика и социология. 2011. № 7 (73). С. 146—165.

Schmidt V. R. (2011) Dilemma of Child Safety: Family Private Life as a Product of Child Protection Discourses. *Social Policy and Sociology*. No. 7 (73). P. 146—165. (In Russ.)

Ben-Arieh A. (2006) Measuring and Monitoring the Well-Being of Young Children around the World. Background Paper Prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2007 “Strong Foundations: Early Childhood Care and Education”. Paris: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000147444> (accessed: 15.02.2020).

CRC (2009) General Comment No. 12. The Right of the Child to be Heard. Geneva: Committee on the Rights of the Child. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/AdvanceVersions/CRC-C-GC-12.pdf> (accessed: 15.02.2020).

- Garbarino J., Stott F. M., Faculty of the Erikson Institute (1989) *What Children Can Tell Us*. San Francisco, CA: Jossey — Bass.
- Hanson K. (2008) Schools of Thought in Children's Rights Studies. In: Liebel M., Hanson K., Saadi I., Vandenhoele W. *Children's Rights from Below: Cross-Cultural Perspectives*. London; New York: Palgrave Macmillan. P. 63—79. https://doi.org/10.1057/9780230361843_5.
- Lee B. J. (2014) Mapping Domains and Indicators of Children's Well-Being. In: Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. (eds.) *Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective*. Dordrecht: Springer. P. 2797—2805. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_137.
- Lent R. W. (2004) Toward a Unifying Theoretical and Practical Perspective on Wellbeing and Psychosocial Adjustment. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 51. No. 4. P. 482—509. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.51.4.482>.
- Moore K. A., Theokas C. (2008) Conceptualizing a Monitoring System for Indicators in Middle Childhood. *Child Indicators Research*. Vol. 1. No. 2. P. 109—128. <https://doi.org/10.1007/s12187-008-9011-9>.
- O'Hare W.P., Gutierrez F. (2012) The Use of Domains in Constructing a Comprehensive Composite Index of Child Well-Being. *Child Indicators Research*. Vol. 5. No. 4. P. 609—629. <https://doi.org/10.1007/s12187-012-9138-6>.
- Puckering C., Evans J., Maddox H., Mills M., Cox A. D. (1996) Taking Control: A Single Case Study of Mellow Parenting. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 1. No. 4. P. 539—550. <https://doi.org/10.1177/1359104596014006>.
- Purdy L. M. (1992) *In Their Best Interest? The Case against Equal Rights for Children*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Qvortrup J. (1999) The Meaning of Child's Standard of Living. In: Andrews A. B., Kaufman N. H. (eds.) *Implementing the UN Convention on the Rights of the Child: A Standard of Living Adequate for Development*. Westport, CT: Praeger. P. 47—57.
- Ravens-Sieberer U., Devine J., Bevans K., Riley A. W., Moon J. H., Salsman J. M., Forrest C. B. (2014) Subjective Well-Being Measures for Children Were Developed within the PROMIS Project: Presentation of First Results. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 67. No. 2. P. 207—218. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2013.08.018>.
- Rees G., Goswami H., Bradshaw J. (2010) *Developing an Index of Children's Subjective Well-Being in England*. London: The Children's Society. URL: https://www.childrensociety.org.uk/sites/default/files/tcs/research_docs/Developing%20an%20Index%20of%20Children%27s%20Subjective%20Well-being%20in%20England_0.pdf (accessed: 15.02.2020).
- Sandin B. (2013) History of Children's Well-Being. In: Ben-Arieh A., Casas F., Frønes I., Korbin J. E. (eds.) *Handbook of Child Well-Being: Theory, Indicators, Measures and Policies*. Dordrecht: Springer. P. 31—86.

UNICEF Spain (2012) Children's Well-Being from Their Own Point of View. What Affects the Children's Well-Being in the First Year of Compulsory Secondary Education in Spain? Madrid: UNICEF Spain. URL: https://www.unicef.es/sites/unicef.es/files/Childrens_subjective_well-being_Unicef_feb13.pdf (accessed: 15.02.2020).

Weisner T. S. (1998) Human Development, Child Well-Being, and the Cultural Project of Development. *New Directions for Child and Adolescent Development*. No. 80. P. 69—85. <https://doi.org/10.1002/cd.23219988006>.

Windle G. (2011) What is Resilience? A Review and Concept Analysis. *Reviews in Clinical Gerontology*. Vol. 21. No. 2. P. 152—169. <https://doi.org/10.1017/s0959259810000420>.

Žukauskienė R., Kaniušonytė G., Truskauskaitė-Kunevičienė I., Malinauskienė O. (2015) Systematic Review of the Measurement Properties of Questionnaires for the Measurement of the Well-Being of Children and Adolescents. *Social Inquiry into Well-Being*. Vol. 1. No. 1. P. 40—75. <https://doi.org/10.13165/SIIW-15-1-1-03>.